

Сергей Васильевич Язев-
Кондулуков

Голубая вода

Сергей Язев-Кондулуков

Голубая вода

«Издательские решения»

Язев-Кондулуков С. В.

Голубая вода / С. В. Язев-Кондулуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963672-0

Этот рассказ продолжает серию моих «Маленьких рассказов». «Голубая вода» — небольшой рассказ-притча. Надеюсь, он понравится читателю.

ISBN 978-5-44-963672-0

© Язев-Кондулуков С. В.
© Издательские решения

Голубая вода

Сергей Васильевич Язев-Кондулуков

© Сергей Васильевич Язев-Кондулуков, 2019

ISBN 978-5-4496-3672-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

М.. о посвящаю

Голубая вода появилась в этом богом забытом таёжном озере внезапно. Первым её действие ощутил на себе одинокий самец марала, который забрёл в это озеро, спасаясь от волков. Его правый бок был разодран почти наполовину острыми волчьими клыками, на губах при каждом тяжёлом вздохе показывалась розовая пена, и волки уже считали марала своей добычей.

Удобно расположившись на высоком, почти отвесном, берегу, положив тяжёлые головы на передние лапы, они ждали. Смотрели, как марал заходит всё глубже и глубже в озеро.

Вода вокруг марала побурела от крови, в некоторых местах рёбра выступили наружу и теперь при каждом вздохе марала они, подобно какой-то ужасной гигантской фисгармонии раздувались. Раздувались и снова опадали.

Марал забрёл в это озеро умирать. Его некогда могучая шея уже не могла держать статную, красивую голову, увенчанную тяжёлой короной рогов. Ещё немного и копыта марала потеряют и эту последнюю опору. Волки, высунув свои розовые языки между зубов, терпеливо ждали.

Голубая вода коснулась истерзанного бока марала неожиданно, и он поплыл. От недоумения и досады волки завывали и стали бегать по берегу. Наконец, один из них, самый крупный, по-видимому, вожак стаи вошёл в воду, за ним с громким воем бросилось и вся стая.

Вожак стаи, подняв свою крупную красивую голову, изо всех сил работал лапами, но марал всё равно уходил. Это взбесило волка. Потеряв всякую осторожность, глотнув два раза уже начинающей студенеть октябрьской воды, он, распушив свой большой красивый хвост, бешено заработал лапами.

Вот, наконец, и спасительное дно. Громко всхрипнув, марал оттолкнулся от скользкой, обросшей тиной гальки и начал выходить на берег. За ним, отряхиваясь от воды и клацая зубами, начали торопливо выбегать волки.

Преследование утомило волков, к тому же они знали, что марал смертельно ранен.

Вожак стада, даже не выбирая позицию для атаки, взвился в воздух. Тяжёлый смачный удар марала раздробил ему весь позвоночник от шеи до крестца. Жалобно и протяжно воя, вожак стада перевернулся на спину и затих. Несколько мгновений волки недоуменно смотрели на него своими умными зелёными глазами, а затем, не сговариваясь, бросились врассыпную.

Там его и нашёл с большими остекленевшими глазами уже полу запорошенного жёлтой вялой листвой местный охотник Алексей. Алексею нездоровилось. Бродя за белкой, которая в этих заповедных местах ещё встречалась, он провалился в болото. Болото было небольшое, так, здоровая лужа, наполовину заполненная водой и грязью. Но правая нога Алексея в нём застряла глубоко, и он чуть было не потерял сапог, пока выбирался из него.

Сразу, как только выбрался из болота, он развёл небольшой костёр, но неожиданно налетел крупный дождь. Его большие холодные капли вмиг с шипением затушили чёрные головешки и Алексей, проклиная так некстати изменившуюся погоду, с ворчанием залез под большую ель.

Ель была старая, и под ней было тепло и сухо. «Ничего, – глядя на крупные летящие капли, рассуждал Алексей, – скоро дождь кончится, и он вновь выйдет на охоту, тем более незаметные постороннему охотничьи следы указывали на соболя «барина», как почтительно величали его в тайге.

Но как назло из гнилого угла, надвинулся дождь не дождь, а так, мелкий противный сеянец, мелкая водяная мошкара, которая больно жалила и проникала во все поры тела Алексея. Весь воздух вдруг сделался сырым и холодным, и больным лёгким Алексея ещё труднее стало дышать.

Дождь сеял уже четвертые сутки, ель намочла, и теперь с её отяжелевшей влажной хвоей с неожиданным шумом, так пугавшим Алексея, срывались тяжёлые холодные шапки воды. Одна из них попала Алексею за шиворот, и Алексей окончательно захворал.

Он долго и тяжело кашлял, озабоченно прикладывая платок ко рту, замечая на нём капельки крови. У него начался жар. В бреду, он метался, звал сестру, мать. Когда же жар немного спал, дождь неожиданно кончился.

С мутными от болезни глазами вылез Алексей из под сосны и потащился сам, не зная куда, лишь бы подальше от этого гиблого места. Там то и нашёл Алексей волка. Волк был давно мёртв, кожа местами с него слезла, один глаз ему уже выклевали большие чёрные вороны, и теперь он скалил в стылое небо свою мёртвую пасть, насмехаясь неизвестно над кем и над чем.

Волку Алексей обрадовался как старому товарищу. Отогнал от него ворон, которые с громким недовольным карканьем отлетели совсем недалеко. Торопливо натаскав веток посуше, он развёл большой костёр и стал кидать в него крупные белые камни, которые приметил на берегу озера. Когда камни накалились и стали иссиня-красными, Алексей, как учили его старые охотники, бросил на них тонко нарезанные куски волчьего мяса.

Волчье мясо было жёсткое и невкусное, не помогала даже крупная соль, которой Алексей обильно посыпал его. Но Алексей старательно жевал каждый кусок, стараясь не ощущать тот вкус псины, которым несло от него. От соли захотелось пить, и Алексей спустился вниз к озеру.

Вода была холодная, очень холодная, но странное дело, она не обжигала своим холодом большие внутренности Алексея, а как бы наполняла каждую его клеточку прохладной удивительной энергией. Наполняла и лечила её. От удивления Алексей округлил глаза и торопливо зачерпнул ещё пригоршню воды. По его телу медленно разливалось блаженство.

Алексей с удивлением попробовал эту воду, так неожиданно принесшую ему избавление. Ничего особенного в ней не было. Чистая холодная, какая бывает она в горных таёжных речушках ещё не тронутых рукой человека. Отличала её, пожалуй, какая-то тяжесть, да необычная голубизна, будто само лазурное весеннее небо растворилось в ней и теперь весело плавало в каждой её капельке.

Алексей припал к озеру и пил, пил эту чудесную воду, чувствуя, буквально всей кожей, как сила вливается в него с каждым глотком. Затем он набрал большую флягу этой воды и, прихватив остатки волка, стал выбираться из тайги.

В тайге была глубокая осень, а осенью человеку одному в тайге худо. Через день надсадный нутряной кашель перестал мучить Алексея, и он почувствовал какую-то необычную лёгкость в ногах, да и во всём теле. Нужно было спешить, пока крепчающий мороз не набрал силы, а снег не засыпал ягоды шиповника и малины, которую не успели склевать птицы, или съесть прожорливый медведь.

Алексей спал не более 4 часов в сутки, когда окончательно выбивался из сил, и не помогала даже голубая вода. Тогда, он, выбрав ель пораскидистой, разбивал под ней палатку, которую носил в котомке за спиной, на дно палатки заботливо стелил тщательно выскобленную волчью шкуру. Шкура согревала ноги и лечила его.

Но сон его был чуток, лесные обитатели, готовясь к зиме, становились нервными и раздражительными, в это время даже рыжая лиса становилась смелой и запросто могла броситься на Алексея, не говоря уж о медведе шатуне, который опоздал залечь в свою берлогу.

Но как не спешил Алексей, как ни урывал он у сна драгоценные минуты и часы он не успел. Закружила, замела снежная позёмка, запутала, завертела она Алексея, и Алексей сбился с пути. Обнаружил он это на третий день, когда вместо чернеющих труб родной деревни увидел стройные ряды корабельных сосен.

«Заблудился», – и сердце Алексея змеёй сжала тоска. О возвращении в деревню нечего было и думать. Слаб, был ещё Алексей и вполне мог замёрзнуть в тайге. Скорее всего, он в этой снежной круговерти пошёл в обратном направлении. Остался один путь ему, к голубой воде. Она и на ноги поставила Алексея и от верной смерти спасла, она и лютую, таёжную зиму поможет перезимовать. И Алексей пошёл к ней.

К этому времени позёмка стихла, и зима предстала перед Алексеем во всей своей красе. Деревья уже не были голыми и пугающе чёрными, на них были драгоценные снежные наряды, а сам снег, чистый свежеснеженный, нет, да и нет, вспыхивал таинственными голубоватыми искорками, и почему-то легко становилось на душе Алексея.

К тому же на снегу зоркий глаз Алексея приметил много следов разной лесной живности. Вот цепочка мелких совсем неглубоких следов, словно чёрточки нарисованные на снегу, то спешила по своим делам мышь полёвка, а вот следы поглубже и покрупнее, это её заметила хитрая лиса.

Видел Алексей и следы зайца, раз даже вдалеке увидел и самого косоногого. Гулко раскатился по притихшему лесу выстрел, стряхивая с деревьев снежные шапки. Но, видно, слаб, был Алексей, дрогнула его рука, и испуганный заяц стремглав умчался в таёжную глухомань.

На второй день своего скитания Алексей подошёл к озеру, в котором и забил источник с чудесной водой. Слово большая драгоценная чаша лежало оно между снежными сопками. Тонкий ледок уже схватил стылую воду, и Алексею пришлось два раза стукнуть прикладом, пока корочка льда не раскололась.

В этот раз Алексей пил не торопясь, маленькими, маленькими глотками. И опять чудесная вода не обожгла его своим холодом, лишь напоила своей таинственной силой. Вдоволь напившись этой чудесной воды и набрав полную флягу, Алексей отправился искать заимку, которая по его расчётам была недалеко.

Неплотная деревянная дверь заимки была открыта, и оттуда несся такой несвежий запах, что Алексей невольно прикрыл нос. «Это всё пришлые шалют, – с недоброй улыбкой на лице подумал он, – не знают они тайги, не уважают наших законов. А за „барина“ могут и убить. Одно дело пришлые. Чужие они нам – волки».

Наломав сухих веток, Алексей принялся за уборку. На полу рядом с нечистотами Алексей обнаружил несколько сморщенных позеленевших картофелин. Их Алексей бережно положил на не струганный деревянный стол. Но ни соли, ни тем более крупы, которую охотники всегда оставляют, следуя неписаным охотничьим законам, Алексей так и не обнаружил. Тяжело вздохнув, Алексей подложил под голову свою котомку и улёгся спать.

Позавтракал он при неясном утреннем солнце одной картофелиной, да мясом волка. Он тщательно счищал с неё кожуру, стараясь сделать её как можно тоньше, это ему плохо удавалось, ослабевшие руки почти не слушались его. От этого Алексей злился и нервничал. Невкусный бульон Алексей, морщась, пил маленькими глотками. Бульон вызывал в нём отвращение. Непроизвольные спазмы сжимали горло. Но больше есть, было, нечего, и Алексей, морщась, пил.

Позавтракав, таким образом, Алексей вновь предпринял попытку найти что-нибудь из съестного. Неторопливо он обшарил каждый угол охотничьей заимки. Тщетно, даже маленького заплесневелого сухарика не оставили ему пришлые городские охотники.

Тяжело вздохнув, Алексей подложил руки под голову и улёгся спать. Он старался, как можно меньше двигаться, он старался позабыть, что у него есть руки, что у него есть ноги, он старался, как можно глубже провалиться в спасительный сон, он почти не вставал со скамейки, он берёг свои силы, готовясь к страшной затяжной схватке с зимним одиночеством.

Вечером всё же голод взял своё, и Алексей, кряхтя, слез со скамейки и вновь неторопливо почистил ровно одну картофелину и сварил небольшую порцию мяса.

Алексей старался спать долго, тем более всю ночь злобно свистала вьюга, и ему стоило немалых трудов открыть дверь заимки, чуть ли не по макушку занесённую снегом.

Затем он принялся мастерить нечто вроде лопаты, благо заржавевший топор валялся рядом под лавкой. Покончив с этим делом, он отправился за голубой водой. Снег был не жёсткий и Алексей то и дело проваливался глубоко по пояс. «Надо будет расчистить тропинку к голубой воде», – хмуро думал он. Набрал голубой воды, он отправился обратно на заимку.

Странное у неё было свойство. Она будила в Алексее какие-то новые, невиданные в нём силы, она наполняла его бурлящей энергией, и она же в десятки раз усиливала чувство голода, с которым Алексей безуспешно пытался бороться. Усиливала, чуть ли не до тошноты, усиливала, чуть ли не до рвоты.

Зимний лес, он, как и летний полон жизни, надо только уметь вслушиваться в его звуки, читать следы лесного народа. Вот Алексей и вслушивался в звуки зимнего леса, то протяжно тоскливые, то восторженно чарующие. Но они раздавались где-то там, в синем, морозном далеке. А Алексей уходить далеко от заимки боялся. Он был очень слаб, и вся надежда у него была на голубую воду.

Но как-то раз ему крупно повезло. Стремясь скоротать лениво текущее время, он рассчитал дорожку от заимки к голубой воде. И, совсем случайно, оглянулся. И замер.

Совсем недалеко от него стояли он и она. Великолепный красавец лось, увенчанный тяжёлой короной рогов и его скромная безрогая подруга.

В груди Алексея возник лёгкий приятный холодок, и он, всё ещё не веря своему счастью, затаив дыхание, шмыгнул в избушку. Но видно сильно спешил Алексей, скрипнула дверь избушки, и красавец лось, настороженно подняв свою горбатую голову, стал, не спеша, уходить.

Пропал! Ай! Пропал! И Алексей с досады стукнул себя кулаком в голову. Но видно уже овладел Алексеем азарт добычи, загорелись в его глазах диковатые огоньки, да и голубая вода делала своё дело и он, стараясь даже пар изо рта не выпускать, который застывал на морозном воздухе лёгким причудливым облаком, отправился в погоню.

Однако и лось нутром почуял своего врага. Он не спешил, но и особо то не сбавлял своего мерного размашистого шага, и не как не удавалось Алексею поймать его горбатую голову на прыгающую мушку.

Так продолжалось час или три, Алексей совсем потерял счёт времени. От быстрой ходьбы, иногда переходящей в суетливый бег, от выдыхаемого пара на усах и бороде Алексея выросли ледяные сосульки, которые больно кололи лицо. Но Алексей старался не обращать на них внимания, весь его горячий взгляд был устремлён туда, где гордо покачивалась голова лося.

На этот раз человек перехитрил зверя. Лось со своей подругой остановился на краю глубокого оврага, где рос высокий кустарник. Был уже вечер. Солнце заходило. И его длинные закатные лучи окрашивали белый снег в нежно розовый цвет.

Наклонив свою могучую горбатую голову, лось пригнул своей подружке самые сочные, самые тонкие ветки и она своими нежными бархатными губами неторопливо хватала их.

У Алексея сердце готово было выскочить из груди. Торопливо он сдёрнул с руки шерстяную рукавицу. И грянул выстрел. Снег из розового стал ало красным, и жалобно замычала подруга, глядя на лося, которого вдруг и сразу подкосила неведомая ей сила.

Лосю удалось подняться с колен, и он дико взглянул вокруг, поводя своими налившимися кровью глазами. Тогда Алексей прицелился ещё раз. На этот раз целился он неторопливо и тщательно. После второго выстрела могучий красавец лось беспомощно покачнулся на своих сильных ногах, они у него разъехались, словно у несмышлёного телёнка и в облаке снежной пыли он упал с обрыва. Испуганно его подруга метнулась прочь.

– Попал! Ай! Попал! И Алексей, зажав в руке большой охотничий нож, побежал к обрыву. Кубарем скатился он с него. Но там его уже ждали. В сгущавшихся вечерних сумерках зелёные фонарики волчьих глаз горели ярко и настороженно. Некоторые из волков жадно рвали ещё полуживого лося.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.